

Таблички с именами отца и аму Е теперь покоились в их бывшей спальне. С помощью односельчан обстановка в комнате сильно изменилась — ведь там, где обитают живые, и там, где поминают ушедших, порядки разные, и суеверий на этот счет предостаточно.

Чжуан Синьли зажег благовония перед именами покойного зятя и брата и снова зарыдал. Его плач, надрывный и душераздирающий, выдавал такую безмерную скорбь, что даже у Е Цзюньшу невольно затуманились глаза.

Лишь после долгих уговоров Синьли сумел немного прийти в себя. Вернувшись в зал, племянник и дядя принялись за долгий разговор. Чжуан Синьли не терпелось узнать, как ребята выживали всё это время, а Е Цзюньшу, в свою очередь, осторожно прощупывал почву, пытаясь понять истинную причину столь долгого отсутствия дяди.

Чжуан Синьли запинался, уходил от прямых ответов, но Е Цзюньшу всё же удалось вытянуть из него достаточно, чтобы по обрывкам фраз восстановить горькую правду.

Оказалось, когда из деревни Е отправили человека с печальным известием, тот у самого въезда в деревню Чжуан столкнулся с дядиным мужем (цзю-му). Тот, узнав, что вестник из деревни Е ищет их семью, мигом смекнул, в чем дело. Переменившись в лице, он отрезал, что семья по горло занята сбором урожая и им недосуг принимать гостей, и попросту перехватил новость на полпути.

Видимо, наговорил он тогда немало гадостей, а вестник, решив, что слова супруга — это воля самого дяди, в сердцах развернулся и ушел, даже не дойдя до порога дома. Поскольку свидетелей не было, дядин муж помалкивал, и вся семья Чжуан оставалась в неведении. Если бы этот гэр случайно не проговорился, дядя, возможно, так ничего бы и не узнал.

В те времена, когда дороги были долгими, а слухи ползли медленно, такую важную весть действительно могли скрывать месяцами.

Е Цзюньшу проникся к дядиному мужу еще большей неприязнью. Он понимал его мотивы: в доме Е остались одни мал мала меньше, и дядя был их единственным близким родственником.

Муж дяди просто испугался, что мягкосердечный Синьли взвалит на себя обузу и приведет сирот в их дом. Для него дети были лишь балластом, от которого нужно держаться подальше.

Но скрывать смерть родного брата, лишая возможности даже помянуть его — это было уже слишком!

«Неужели он думает, что я, имея руки и ноги, действительно повис бы на их шее?» — гневно подумал Цзюньшу, но вскоре гнев сменился обреченностью.

Он знал, что дядю винить сложно. Тот унаследовал характер вайпо: человек мягкий, покладистый, совершенно лишенный собственного мнения — из тех, на ком в деревне воду возят. Когда пришла пора женить Синьли, вайпо специально искал ему в мужья кого-то с «перчинкой», властного и бойкого, чтобы в доме был порядок.

Так в их семью и вошел этот гэр из соседней деревни Сюэ. Поначалу он прикидывался кротким, но, раскусив мягкотелость мужа и свекрови, показал истинное лицо. Теперь весь дом Чжуан плясал под его дудку. Еще до того как их аму вышел замуж, ему немало досталось от этого родственничка, но ради брата и родителя он всё терпел.

Единственный раз, когда вайпо проявил твердость — это когда муж дяди захотел выдать

деверя-гэра за своего родственника. Вайпо наотрез отказался, втайне принял сватов от семьи Е и поспешно выдал гэра замуж. Но даже за этот поступок он чувствовал себя виноватым перед зятем и при нем и слова молвить не смел.

Пока семья Е была в достатке, аму, приезжая в гости, всегда заваливал дядю подарками, затыкая рот его ворчливому мужу. Но стоило им обеднеть, как начались упреки и злые шуточки. Муж дяди при каждом удобном случае язвил, что аму «витаает в облаках», пытаюсь выучить сына на книжника, не имея за душой ни гроша. После этого аму почти перестал ездить к родне. Дядя сам изредка навещал их, всегда в спешке и украдкой.

Взрослые не обсуждали эти дразги при детях, но Е Цзюньшу по печальному лицу аму догадывался о многом. Сяо Шань тоже был в том возрасте, когда что-то начинаешь понимать, так что его холодность к дяде была объяснима. А вот поведение Лу-гэра ставило в тупик: в его глазах читалась не просто обида, а настоящая враждебность.

Впрочем, сейчас было не до этого. Цзюньшу посмотрел на дядю. Тот был взрослым человеком, и читать ему нотации племяннику не пристало, да и характер в сорок лет уже не переделаешь. Жизнь каждого — это его собственный выбор.

— Цзычжоу, а может, вы поедете со мной и будем жить вместе? — с искренней тревогой предложил Чжуан Синьли. — Ты ведь сам еще ребенок, как ты справишься с такой оравой? Пятому и Шестому и года нет!

Хоть в доме Чжуан жизнь вряд ли была бы сахаром, дядя верил: пока он жив, дети не будут голодать. Да и на глазах у него им было бы спокойнее.

Е Цзюньшу понимал, что дядя говорит от чистого сердца, но также знал, что с таким «хозяином» в доме их жизнь превратится в ад. Да и у себя дома всегда вольготнее.

— Дядя, посмотрите на меня: за эти месяцы я вполне освоился. Благодарю за заботу, но негоже нам справлять траур по родителям в чужом доме. К тому же я хочу быть поближе к их могилам, чтобы навещать в любое время. Думаю, Сяо Шань и остальные со мной согласны.

— Да что вы, дети, понимаете в жизни? Под моим присмотром было бы надежнее.

— Староста Жун, Мин-аму и все соседи очень нам помогают, так что не беспокойтесь, — с улыбкой ответил Е Цзюньшу.

Люди в деревне Е были разные, встречались и сплетники, и жадины, но в массе своей они были простыми и добрыми. Жить в такой среде было комфортно, и уезжать Цзюньшу не хотел.

Дядя пытался уговорить его еще пару раз, но Е Цзюньшу ловко уклонялся от ответов и в итоге сам убедил дядю остаться.

— Дядя, оставайтесь у нас на пару ночей. Сяо Шань и ребята очень по вам скучали.

— Ну... — Синьли колебался. Сердцем он хотел остаться, чтобы убедиться, что они справятся сами. Но дома... После недолгой борьбы он сдался: — Хорошо, останусь на одну ночь, завтра утром двинусь обратно.

— Вот и славно! — глаза Цзюньшу радостно блеснули. — Дядя, вы целый день в пути, прилягте на кан, отдохните.

— Хорошо. — Чжуан Синьли не стал спорить. Он действительно выбился из сил: вчерашняя гонка, бессонная ночь, а теперь еще и слезы — он был истощен и телом, и душой. — Кстати, а куда это поставить? — он указал на две корзины посреди зала, плотно чем-то набитые.

— Ох, дядя, зачем вы так тратились? — воскликнул Цзюньшу.

— Да пустяки, тут всего лишь...

Дядя не успел договорить — в ворота неистово забарабанили. Раздался резкий, смутно знакомый голос:

— Открывай! А ну, открывай сейчас же!

Лицо Чжуан Синьли мгновенно побледнело. «Он пришел?!»

Е Цзюньшу сразу всё понял. Похоже, дядя сбежал из дома тайком...

— Я открою, — сказал он дяде и быстро зашагал к выходу. Не потому, что горел желанием видеть гостя, а просто боялся, что тот выломает ему дверь.

— Цзычжоу... — Чжуан Синьли в тревоге бросился следом.

— Открывай! Открывай, Чжуан Синьли! Я знаю, что ты там, а ну отпирай! Откры... — Грохот внезапно оборвался: тот, кто ломился внутрь, потерял опору под руками, когда дверь распахнулась, и по инерции ввалился во двор.

Е Цзюньшу вовремя отступил в сторону, пропуская «гостя». Когда тот, пошатываясь, наконец обрел равновесие, Цзычжоу вежливо поздоровался:

— Цзю-му (дядин муж).

Сюэ Шэн, супруг его дяди, был на голову выше нынешнего Е Цзюньшу — ростом около метра семидесяти, коренастый, плечистый, с заурядным, но крайне неуживчивым лицом. Было сразу видно: человек он не из кротких.

Собственно, так оно и было. Сюэ Шэн выпрямился, отряхнул край одежды и обвел Е Цзюньшу придирчивым, колючим взглядом.

— А, это Цзычжоу! Да не стоит меня так величать, я человек маленький, простых кровей, не чета вашему благородию...

Сюэ Шэн не успел договорить — подоспевший Чжуан Синьли с потемневшим лицом оборвал его: — Что за вздор ты несешь?

Увидев мужа, Сюэ Шэн мгновенно взвился, засучил рукава и бросился к нему:

— Ах ты, Чжуан Синьли! Смелости набрался, пока меня нет? Тайком из дома столько добра вынес и чужим людям отдал! Если б я раньше не вернулся, вы бы с этим старым хрычом меня за дурака держали! Совсем страх потерял, печеночной желчи объелся?!

Чжуан Синьли по привычке втянул голову в плечи, но, почувствовав рядом присутствие племянника, всё же возразил:

— Что значит «тайком»? Разве мой племянник — чужой? И полегче на поворотах: речь о моем

родном аму, следи за языком!

— Ой, ну конечно! Племянник у него родной, а я и твой сын — так, сбоку припека! Все вы одной крови, одна семейка, а я, значит, зря столько лет на этот дом горбатился да сына тебе рожал? Никакой благодарности, одна только горечь! Ох, судьба моя разнесчастная!

Сюэ Шэн плюхнулся прямо на землю и, хлопая себя по бедрам, затаил заунывный плач-причитание.

У Е Цзюньшу на лбу вздулась жилка, а лицо потемнело от гнева. Но этот человек по статусу всё же был его старшим, выставить его за ворота силой значило прослыть неблагодарным наглецом. К тому же нужно было сохранить хоть каплю достоинства для дяди.

— Да что ты мелешь? Позоришься перед младшими! Совсем стыд потерял? — вполголоса уговаривал Чжуан Синьли, пытаясь поднять супруга, но тот вцепился в землю и не желал вставать.

— Стыд? А его едят? — огрызнулся Сюэ Шэн. — Иди своим родичам в деревне Чжуан про стыд рассказывай!

— Ты! — лицо Синьли багровело на глазах. — Да разве это одно и то же? Вставай давай, не смей детей. У нас с тобой еще будет серьезный разговор!

— Разговор? О чем? — Сюэ Шэн продолжал язвить. — Что, дядя-герой решил еще больше дармоедов на шею повесить? Раз так дорог тебе племянник — корми его сам, а сына можешь не растить, я его к своей родне заберу!

Он вовсе не считал, что поступил дурно, скрыв вест о смерти брата мужа. Иначе пришлось бы кормить ораву «нахлебников», а он не дурак.

Чжуан Синьли затрясся от ярости, не в силах вымолвить ни слова.

В душе у Е Цзюньшу воцарился полный хаос. Он понимал: эта сцена разыграна специально для него. Цзю-му давал понять: если не хочешь, чтобы семья дяди распалась — не смей к ним соваться.

Цзычжоу мысленно вздохнул, но вслух сказал примирительно:

— Цзю-му, вы проделали такой долгий путь, наверняка устали. Может, зайдете в дом, выпьете воды, отдохнете?

Сюэ Шэн подозрительно прищурился.

— Вы зря тревожитесь, — спокойно продолжил Е Цзюньшу. — В деревне Е мне хорошо, и у меня нет планов переезжать куда-либо еще.

Сюэ Шэн тут же вскочил на ноги, довольный результатом.

— Вот что значит ученый человек! Сразу видно, Цзычжоу дело говорит. Эх, Цзычжоу, пойми и ты меня: не от черствости я так, просто в доме и так шаром покати. А дядя твой — из тех, кто ради приличия готов костями лечь, берется за то, что ему не под силу.

Он уже собрался было шагнуть в дом, но внезапно замер, и нога, занесенная над порогом, медленно опустилась назад. На лице его промелькнуло замешательство и суеверный страх.

Е Цзюньшу прищурился и вкрадчиво произнес:

— Цзю-му, вы, верно, хотите сначала зажечь благовония перед моими родителями? Как-никак, вы ведь впервые пришли их помянуть. Отец и аму наверняка очень обрадуются, узнав об этом...

Ледяная волна пробежала по спине Сюэ Шэна. Он вздрогнул и невольно отступил на пару шагов.

— Ой... я тут вспомнил, у меня еще дела дома недоделаны... Пойду я, пожалуй, хе-хе...

Он развернулся и припустил прочь так резво, что его грузная фигура казалась почти невесомой.

Чжуан Синьли облегченно выдохнул. Посмотрев на племянника, он виновато произнес:

— Тогда я тоже пойду домой. Если что понадобится — передай весточку.

После такого «визита» о ночевке не могло быть и речи. Е Цзюньшу не стал его удерживать. Честно говоря, опыт двух жизней так и не научил его, как справляться с такими нахрапистыми и скандальными родственниками — от них хотелось держаться как можно дальше.

Чжуан Синьли уходил, терзаемый чувством вины. Тысячи слов застыли у него на губах, превратившись в один глубокий, тяжелый вздох.

<http://bllate.org/book/15226/1343869>